

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Верочка дома

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Верочка дома / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2024. – 112 с.

ISBN 978-5-519-99096-7

ISBN 978-5-519-99096-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Нѣтъ, не въ ризницу, и не въ церковь... А ты подумай!

— Къ себѣ въ келію? Только у нея въ келіи кромѣ митрополитовъ никого нѣтъ.

— И опять не угадала!—смѣялась внучка, показывая бѣлые и ровные зубы.

— Ну, ужъ и не знаю, куда еще. Не въ трапезную же... Въ школу развѣ?

— На колокольню!

— Къ грачамъ и воронамъ! Такъ. По картинѣ и честь. Самое настоящее тебѣ мѣсто. А что много вчера работала?

— Какъ же, мать Клеопатру всю дописала. Кажется, выходитъ у меня. Бабушка Капитолина хвалила; говорить,—какъ живая. Только что не дышетъ...

Дѣвушка, наконецъ, отыскала ногами туфли, и, зѣвая, пошла къ окну. Солнце всю ее охватило свѣтомъ, заиграло въ волнахъ свѣтлорусыхъ волосъ, беспорядочно падавшихъ на спину и на плечи.

— Беспоряха ты, вотъ что!—недовольно смотрѣла на нее старушка.—Беспоряха была и есть. Ничему не научилась.

— За что ты это бранишься?

— Что ужъ!.. Какъ ужъ тебя и не бранить! Этакую красу глупой предоставилъ Господь, а ты не бережешь... Лѣнь было на ночь заплести косы-то... Что у тебя отъ волосъ останется? Начнешь чесать и рвешь. Каждый разъ на гребнѣ добрая пригоршня ихъ. А все лѣнь, все лѣнь.

— Лѣнь!—засмѣялась внучка.—Тебѣ же, бабушка, лучше,—по крайности, есть, на что поворчать.

— Вотъ я матери Варлаамѣ расскажу про всѣ твои дѣла. Посмотримъ, какъ заступница твоя похвалитъ тебя за это. Сегодня ужъ я за тобой прибирала-прибирала. Краски въ одномъ мѣстѣ, бумага въ другомъ, кисти въ третьемъ. Платокъ подъ диваномъ въ сору. Это развѣ порядокъ? Что къ тебѣ горничныя поставлены, что ли?

— Платокъ—это Маруська затащила.

И, схвативъ котенка на руки, она коснулась лица старушки его круглою головою съ крошечными усиками.

— На, возьми ее... Это она все.

— Ладно, не юли... Объимъ вамъ одна цѣна у меня: что Маруськѣ, что тебѣ. По разуму-то равны.

А рука у самой такъ и тянется пощекотать котенка.

— Что, шельма, а? Сливокъ хочешь?

Притворявшаяся до сихъ поръ ко всему равнодушною, Маруська разомъ почувствовала, что это выше ея силъ. При словѣ „сливки“ она соскочила на полъ и побѣжала, задравъ хвостъ и оглядываясь, къ дверямъ.

— Ну, одѣвайся, да иди чай пить!—обернулась бабушка, уходя за котенкомъ.

Дѣвушка лѣниво подошла къ окну. Все за нимъ было такъ знакомо ей, такъ срослось съ ея жизнью. Иного міра, за стѣнами монастыря,—она не знала, не думала о немъ, какъ не думаетъ дикарь-островитянинъ: есть ли еще живые люди за голубымъ просторомъ океана, охватившаго отовсюду клочокъ земли, на которомъ онъ родился и выросъ? Домикъ, гдѣ жила Вѣрочка, точно грибокъ, поднялся въ тѣни монастырскихъ стѣнъ. Его можно было еще различить издали, когда солнце становилось высоко. Но раннимъ утромъ, когда оно затопляло свѣтомъ высокія стѣны, красныя башни, бѣлыя колокольни, золотые и голубые купола обители,—его, пожалуй, и не разсмотрѣлъ бы никто, какъ ласточкино гнѣздо у чужой кровли. Когда солнце заходило за монастырь, и онъ, съ соборомъ, церквами, зубцами стѣнъ, тонкими силуэтами колоколенъ, вырѣзывался темный на огнистомъ маревѣ заката,—въ густой тѣни, и совсѣмъ нельзя было замѣтить жилья „Вѣрочкиной бабушки“. Какъ домъ этотъ сливался съ громадою обители, такъ и все существованіе дѣвушки тонуло въ ней. Она родилась, болѣла, выздоравливала, играла, смѣялась и плакала, думала и училась,

вставала и ложилась спать въ ея тѣни, подъ звонъ ея колоколовъ.

Но какъ ни сжилась Вѣрочка съ этою обителюю, — всякій разъ, подходя къ окну, она съ невольною любовью, несознанной, но теплившейся въ ея душѣ, смотрѣла на древнія стѣны. Особенно теперь, когда весна дышала ей въ лицо такимъ ароматомъ.

Нѣтъ-нѣтъ, да и пахнетъ свѣжими, только что развернувшимися березовыми почками. Листва еще мелка. Въ ней такъ ясно сквозятъ бѣлые стволы. Тонкія вѣтки чуть подернулись ей. Кажется, эти крохотные листочки просыпались откуда-то сверху, съ неба, и до перваго порыва вѣтра уцѣпились за деревья. Солнце въ нихъ играетъ золотистыми отсвѣтами, и трепещутъ подъ нимъ березки первую веселою дрожью обновившейся жизни. Ласково, мягко и нѣжно шумятъ онѣ, когда вокругъ всколышется теплый воздухъ.

Темная арка воротъ съ золотымъ крестомъ вверху. Вѣра знаетъ, что сидитъ теперь и дремлетъ тамъ мать Степанида, что она и сегодня ласково улыбнется дѣвушкамъ и спроситъ ее, какъ спрашивала вчера, третьяго дня, годъ, десять лѣтъ назадъ:

— Ну, что, все прыгаешь, стрекоза? Прыгай, прыгай, Господь съ тобой!

И при этомъ вздохнетъ, помянетъ про какое-то „искушеніе“ и опять задремлетъ.

Пять большихъ куполовъ соборнаго храма. Подъ его высокими сводами гулко звучатъ голоса, свѣжіе и чистые! И какіе это купола! Есть ли гдѣ въ другомъ мѣстѣ такіе? Какъ они красивы сегодня! Темносиніе со звѣздами и посреди ихъ, выше всѣхъ—главный, золотой, какъ пламя, горящій подъ солнцемъ. Тонкіе сквозные кресты на нихъ. Съ крестовъ висятъ на золотыхъ цѣпяхъ золотые шары. Ребенкомъ она вѣрила, что это яйца чудесныхъ райскихъ птицъ; каждое Свѣтлое Христово Воскресенье птенцы про-

клевываютъ серебряными носиками золотую скорлупу,—и съ первымъ ударомъ колокола, красныя, какъ огонь, вылетаютъ отсюда во все концы міра—сообщая всемъ: и звѣрю дикому, и пернатому хищнику-соколу, и ласточкѣ кроткой, и сѣрому воробью одну великую вѣсть: „Христосъ Воскресъ...“ И тотчасъ же невѣдомые ангелы сходятъ съ небесъ и, вмѣсто старыхъ, проклеванныхъ, вѣшаютъ новыя яйца съ чудесными птицами. Качаетъ и баюкаетъ ихъ вѣтеръ, цѣлый годъ кропитъ ихъ дождь, сушитъ и грѣетъ солнце, будятъ по утрамъ гулкiе колокола монастырскіе... Когда она выросла,—сказка ушла, оставивъ одну прелесть воспоминаній.

Зеленая кровля подъ куполами. По краямъ ихъ на теплѣ усѣлись голуби. Сорвется одинъ, почертить-почертить въ воздухъ, залетитъ въ какую-нибудь бойницу и опять назадъ. Вонъ церковь Варвары Великомученицы,—ея пеструю колоколенку грачи любятъ. Гнѣзда ихъ дальше въ рощѣ, что зеленымъ облакомъ заполонила лошину. Черными шапками торчатъ они тамъ на верхушкахъ. Днемъ—грачи здѣсь, и когда рослая, рябая и корявая, сильная мать Митрофанія раскачиваетъ тяжелый и ржавый языкъ толстаго стараго колокола, чтобы сильнѣе ударить имъ въ звонко гремѣщій металлъ—пернатые посѣтители „Варваринской вышки“ даже съ мѣста не трогаются, зная, что ихъ здѣсь никто не обидитъ. Какъ только подходитъ весна,—грачи первые слетаются сюда—слушать молча, какъ заговоритъ и потомъ замретъ бронзовая пасть, а потомъ они загомонятъ и завоются между красными и синими витыми колонками, въ просвѣтахъ и подъ выбѣленными сводами „вышки“, гдѣ перекрестились потрескавшіеся балки, поддерживая тѣло стараго колокола. А вонъ главная монастырская колокольная,—она точно пронизала синеву неба. Сквозная! Амбразура противъ амбразуры приходится, въ нихъ лазурь видна, точно синія стекла вставлены. Внизу самый громаднѣйшій колоколъ виситъ.

Вѣра помнитъ, какъ въ дѣтствѣ ей страшно было за мать Агнію, живущую подъ колоколомъ въ крохотной келейкѣ. А вдругъ онъ сорвется, пробьетъ потолокъ ея и, рухнувъ, придавить ее къ землѣ своимъ тяжкимъ бронзовымъ тѣломъ. Въ него звонятъ рѣдко, только въ великіе праздники,—когда всѣ должны или радоваться, или печалиться: когда птица—и та чувствуетъ. Сказывала ей Агнія, что, услышавъ его тягучій ударъ подъ землей,—всѣ инокини, схороненныя на монастырскомъ кладбищѣ, гдѣ такъ густа трава, и такъ хорошо пахнетъ шиповникъ, начинаютъ подъ своими насыпями тихо шептать молитвы. Если прилечь въ это время да приложить ухо къ землѣ—то можно слышать глубоко-глубоко не только гудѣніе безчисленныхъ устъ, но и шорохъ: поднимаются въ гробахъ костлявыя руки и осянаютъ крестнымъ знаменіемъ истлѣвшія лица. Замретъ главный колоколь—и опять заснутъ до слѣдующаго великаго праздника схороненныя инокини—чѣрныя, въ черныхъ гробахъ подъ землею...

— Ну, что же ты, скоро?—показалась въ дверяхъ бабушка.—Да ты еще, срамница, и не одѣта! Ай, да ну!... Вонъ, должно быть, отъ матери Капитолины бѣличка бѣжитъ къ тебѣ. Взглянь-ко, мнѣ не разсмотрѣть.

— Да, это Маша и есть.

— Ишь! А ты бы спала до сихъ поръ.

У крыльца хлопнула дверь. Въ комнатахъ слышались быстрые шаги.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!—пѣвучимъ голосомъ сказался кто-то за дверью.

— Маша,—ты?.. Входи скорѣе... Чего ты въ такую рань?

— Спаси васъ Богъ, матушка!..—поклонилась та старушкѣ.—Христосъ съ тобою, Вѣра... Къ тебѣ я отъ матушки Капитолины. Спосылала скорѣй. Сейчасъ чай будетъ пить,—отъ обѣдни пришла, такъ звала безпремѣнно. Пусть, говорить, придетъ, мы новую банку крыжовнику начинаемъ.

Опять же просфоры сегодня удались нашей старицѣ, скусныя-скусныя.

— Да ты отдохни, Маша,—смѣялась Вѣрочка.—Ишь, какъ заторопилась вся. Даже духъ захватило.

— И впрямь, умница ты моя... Я вѣдь, сломя голову, бѣжала. Мать Степанида въ воротахъ-то кричить мнѣ: „охъ, искушеніе, что за тобою бѣсовская сила гонится?“ Ей-то, вишь, досадно. Она нынче и ходитъ-то валко... Едва-едва...

II.

Вѣра живо собралась.

Теперь она по наружному виду была похожа на монахиню. На ней черное люстриновое платье, плотно обтянутое въ талии широкимъ кожанымъ поясомъ. На голову она набросила черный платокъ, скрывавшій волосы. Одни глаза только смѣялись и лучились совсѣмъ не по-монашески; у воротъ обители она низко опустила длинныя рѣсницы и, проходя, поклонилась сидѣвшей сѣдой и сгорбленной монахинѣ.

— Здравствуй, бабушка Степанида!

— Все прыгаешь, стрекоза? Здравствуй, здравствуй. Что поздно такъ сегодня?

— Заспалась, бабушка.

— Ишь, грѣхи-то какіе! Поди, и лба себѣ не перекрестила? Ахъ ты, мірская грѣховодница. Подлинно—искушеніе съ тобой, ну, иди. Мать Капитолина стосковалась, спосылала за тобой. А потомъ и меня старую навѣсти,—не забывай. Все съ тобой точно и сама-то помолодѣешь.

Вѣра изъ-подъ воротъ вошла въ большой монастырскій дворъ.

Боже мой, какъ здѣсь все ей было знакомо! Какой крошечкой казалась она самой себѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, играя подъ величавыми стѣнами, и на какую громадную

высоту выростали тогда надъ нею колокольни, соборы и башни! Теперь она выросла, и они точно немножко понизились, но все-таки, проходя мимо нихъ, она чувствовала себя опять такой же маленькою, какъ и въ тѣ времена. Мать у нея давно умерла. Она была монахиней,—и Вѣрочка ея не помнить. Строгій черный силуэтъ ея сливается въ далекомъ прошломъ съ другими такими же. Бабушка, воспитавшая ее, поселилась у обители, гдѣ спасалась ея дочь. Когда умерла она, старухѣ уже казалось невозможнымъ уйти отсюда, перебраться въ городъ, отъ котораго верстъ за двадцать стоялъ монастырь. Къ ней пріѣзжали иногда родные, убѣждая отдать имъ дѣвочку. По ихъ словамъ, Вѣру надо было воспитать и образовать, но всякій разъ, какъ старушка колебалась и начинала сдаваться на эти доводы,—внучка ея или убѣгала въ монастырь и пряталась тамъ у монахинь, повѣряя имъ свое дѣтское горе, или благимъ матомъ кричала, топая ноженками: „не хочу въ городъ, хочу къ *бабушкамъ*“. Она ихъ всѣхъ искренно считала *бабушками*. Такъ ихъ и называла, различая только по именамъ; у нея была бабушка Антонида, бабушка Гликерія, бабушка Стефанида. Въ свою очередь и старушки, привязавшіяся къ ребенку, звали ее внучкою. Скоро такимъ образомъ Вѣрочка сдѣлалась внучкою цѣлаго монастыря. Каждая изъ монахинь, будучи еще въ міру, или имѣла дѣтей и утратила ихъ, или страстно желала имѣть ихъ. Теперь, воскресавшіе въ нихъ материнскіе инстинкты невольно сказывались по отношенію къ общей любимицѣ. Понятно, что она и росла „вселенскою баловницею“, какъ называлъ ее старикъ-священникъ, являвшійся сюда для совершенія требъ. Ей припрятывали лучшіе кусочки, вязали чулки, шили бѣлье, платья... Такъ бы, благодаря общей любви къ ней, и выросла она безграмотною, или бы старушка, настоящая бабушка, взялась, наконецъ, за умъ и скрѣпя сердце отвезла ее въ городъ учиться, если бы между монахинями не находилось нѣсколькихъ

„бабушекъ“ пообразованнѣе. Онѣ кончили въ свое время институты, знали языки и обрадовались случаю позабыть глухое однообразіе скучнаго и нуднаго монастыря, занимаясь съ шустрою дѣвочкой. Только девяти лѣтъ Вѣрочка выучилась читать, и, какъ это бываетъ почти всегда, когда начинаютъ поздно,—ея способности развернулись вдругъ и поразили всѣхъ окружавшихъ. Дѣвочка схватывала всякія знанія съ жадностью галчонка въ гнѣздѣ, котораго сколько мать ни корми, а у него всегда клювъ раскрытъ широко. Ученыя „бабушки“, занявшіяся съ Вѣрочкой, потомъ и сами были не рады. Разъ пробужденная ими любознательность не засыпала никогда въ дѣвочкѣ. Она приставала къ нимъ съ вопросами, требовала обстоятельныхъ объясненій, не удовлетворялась назначеннымъ для уроковъ временемъ, хотѣла, чтобы ей цѣлые дни читали что-нибудь вслухъ. Скоро монахинямъ пришлось чуть не выписывать книги и самимъ учиться, чтобы чѣмъ-нибудь наполнить эту ненасытную жажду знанія въ Вѣрочкѣ.

Инокини обратились за книгами въ городъ, къ „благодѣтельницамъ“; благодѣтельницы послали имъ короба всякаго хламу. Простодушнымъ матерямъ некогда было разсматривать эту премудрость, онѣ предоставили самой Вѣрочкѣ распутываться съ нею, какъ знаетъ. Дѣвочка обрадовалась, перетасила, мало-по-малу, книги къ себѣ на чердакъ и занялась чтеніемъ, безъ толку и безъ разбору, глотая и путешествія, и романы, и историческія сочиненія, и часто изъ одного упрямства одолѣвая такія, въ которыхъ ей все было непонятно. Зато же и надоѣдала она потомъ „бабушкамъ“ съ вопросами.

— Бабушка Гликерія, что значитъ это?

И она читала ей выдержку изъ какого-нибудь мудренаго „Ключа къ тайнствамъ натуры“ или „Сокровища мудраго каменщика, стремящагося къ совершенству“.

Бабушка выслушивала, хмурилась, задумывалась.

— Да, ну же, бабушка!—приставала нетерпѣливая Вѣрочка.

— А ты варенья не хочешь? У меня есть вишневое, да какое,—съ косточками.

Но этотъ дипломатическій маневръ не удавался. Вѣрочка упиралась пальчикомъ въ книгу и требовала объясненій. Бабушка Гликерія пробовала было пуститься въ умствованія и тотчасъ же запутывалась и начинала сердиться.

— Иди, иди, Вѣрка негодная... Иди!.. Ишь, вздумала больного да сырого чловѣка тревожить. Нечего грѣшиться то... Ступай, ступай,—я на молитву стану.

Вѣрка, съ раскрытой на той же страницѣ книгой, бѣжала къ другой бабушкѣ, тамъ пробовали было ее улестить пряниками, и когда это средство не дѣйствовало, брали ее за плечи и выводили за двери; дѣвочка—къ третьей, четвертой, пятой, но у всѣхъ бабушекъ ни отвѣта, ни указаній для нея не было. Случалось какой-нибудь сердитой монахинѣ, вмѣсто отвѣта, отпугивать ее лѣстовкой или четками. Вѣрочка, что называется, „не солоно-хлебавши“—отправлялась къ ея сосѣдкѣ. Встрѣтивъ и тутъ отказъ, она въ отчаяніи подъ ворота къ Степанидѣ.

— Бабушка, а бабушка, ты вѣдь добрая, а? — ласкалась она.

— Ишь, стрекоза! Ну, да ужъ не льстись... Говори, чего надо?

— А вотъ скажи ты мнѣ, что это значить: „мудрый, каменистыми стезями блуждающій и бездны созерцающій, не прекратитъ пути сего, но, въ благовременіи одолѣвъ страсть, обрящетъ истинную тропу добродѣтели, содѣлавъ хищнаго льва себѣ неопаснымъ и въ душѣ своей возраститъ агнца добродѣтельнаго и...“

Степанида задумывалась.

— А ну-ко прочни-ко еще...

Вѣрочка ей читала.

- Ты у кого спрашивала-то?
— Всѣхъ бабушекъ обѣгала, никто не понимаетъ.
— То-то... Вотъ оно высокоуміе... А простого дѣла не сообразили... Про него это, Вѣрочка, все про него.
— Про кого?—таращилась та.
— Ну, еще... Не ко время поминать бы: про бѣса, про чорта этого самаго... Левъ-то вѣдь—онъ. Какъ про него въ писаніи сказано: „аки левъ искій, кого поглотити...“
Полуудовлетворенная дѣвочка принималась читать дальше...

Книгу она бросала только для церкви.

Въ монастырѣ отлично пѣли, а Вѣрочка очень любила пѣніе. Забравшись въ уголокъ и спрятавшись тамъ ото всѣхъ, она высматривала, какъ колонны собора уходили во мракъ, густѣвшій подъ его сводами, и дѣвочкѣ чудилось, что онѣ тянутся высоко-высоко и пропадаютъ въ самыхъ небесахъ. Когда легкими струйками по нимъ курился вверхъ дымокъ еиміама, она представляла себѣ, что это обрывки облаковъ, что церковь, вмѣстѣ съ колоннами, вознеслась уже въ недосыгаемыя глубины тверди, что сама она, Вѣрочка, выйдя сейчасъ на паперть, увидитъ себя повиснушею въ какомъ-то безграничномъ пространствѣ, а земля будетъ тамъ, далеко-далеко, внизу свѣтиться ей робкою звѣздочкой. Очнувшись, дѣвочка смотрѣла, какъ подъ порывистымъ и трепетнымъ свѣтомъ лампадъ и восковыхъ свѣчъ горѣли алмазные вѣнцы и золотыя ризы, и, казалось, шевелились лики старыхъ иконъ. Вонъ глаза Богоматери... Точно моргнула она, и Вѣрочкѣ кажется, что по золоту ризъ и серебру окладовъ катится лучистая брилліантовая слезка... Ангелы на царскихъ вратахъ подъ сизымъ туманомъ ладона; чудится, они улыбаются ей, легкія и сквозныя перья за плечами вздрагиваютъ и трепещутъ, точно по нимъ бѣжитъ незамѣтный вѣтерокъ. Еще мгновенье, и они развернутся и унесутъ крылатыхъ младенцевъ и съ полотна, и изъ